

Советская реформа дальневосточной школы (1922—1928)¹

Светлана Борисовна Белоглазова,
кандидат исторических наук, старший науч-
ный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: beloglazov1@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы реформирования региональной системы образования на начальном этапе советской модернизации Дальнего Востока. Цель исследования — определить основные тенденции реформы в период со времени упразднения Дальневосточной республики и присоединения её территории к Советской России (ноябрь 1922 г.) по 1928 г. включительно (до начала «великого перелома»). Географические рамки включают территорию Дальневосточной области и Дальневосточного края.

Ключевые слова: реформа образования, единая трудовая школа, профессиональное образование, национальные школы, Дальний Восток.

The Soviet Reform of the Far Eastern School (1922—1928).

Svetlana Beloglazova, Cand. Sc. (History), senior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article discusses the issues of reforming the regional educational system at an early stage of the Soviet modernization of the Far East. The object of the study is to identify the main trends of the reform since the abolition of the Far Eastern republic and inclusion of its territory in Soviet Russia (November 1922) to the year 1928 inclusively (before the beginning of “the great change”). The geographical scope includes the territory of the entire Far East.

Key words: education reform, unified labor school, vocational education, national schools, the Far East.

Национальная система образования как объект политического воздействия со стороны государства пережила в 1920-е гг. важные трансформации, во многом изменившие её традиционный облик. Реформа образования считалась одним из приоритетных направлений советской модернизации, в связи с чем институтам образования отводилась важная роль в механизме социальной мобильности и социальной адаптации российского общества к новым политическим и экономическим реалиям.

На Дальнем Востоке начавшаяся с Февральской революции реформа системы образования получила логическое продолжение после Октябрьской революции. С началом Гражданской войны реформирование

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН № 12-И-П33-05.

регионального образовательного комплекса было прервано, затем частично возобновилось в период ДВР, но ко времени окончания войны и интервенции оно ещё не было завершено. В силу затянувшихся военных действий экономический потенциал региона понёс серьёзный урон, и стартовые условия советской образовательной реформы оказались довольно сложными. Решение правительства Дальневосточной республики от 26 августа 1921 г., согласно которому учебные заведения на подведомственных ему территориях² снимались с государственного финансирования и передавались на содержание местным органам власти, ускорило процесс разрушения инфраструктуры образования, общую дезорганизацию управления и работы учебных заведений. В период с сентября 1921 и до конца октября 1922 гг. число общеобразовательных школ на юге Дальнего Востока сократилось на 39%, на Камчатке — вдвое [12, с. 70, 73, 75; 4, с. 30]. Почти полностью разрушилась сеть ликвидации неграмотности, фактически бездействовали вузы. Произошло сокращение численности дальневосточного учительства, изменился его демографический состав. В школах Приморья к концу 1922 г. из 1800 оставшихся учителей 75% составили женщины, половина учителей Камчатки занимались другими видами работ [2, с. 40; 12, с. 71]. Задолженность по заработной плате работникам просвещения в некоторых районах составляла 7—10 месяцев [12, с. 70, 75, 103; 4. С. 30].

После вхождения территории бывшей ДВР в состав Советской России руководящие функции упразднённого Министерства народного просвещения ДВР перешли к Дальневосточному отделу народного образования (Дальоно), во главе которого остался бывший министр просвещения ДВР М.П. Малышев. На местах руководящие функции передали губернским, уездным и районным отделам народного образования (губоно, уоно, роно), сформированным в декабре 1922 г. и действовавшим при территориальных ревкомах. Задача развития профессионального образования в регионе возлагалась на структурное подразделение Дальоно — Дальневосточный областной совет для руководства обучением подростков (Дальпрофобр). На его создании особенно настаивали партийная и комсомольская организации, крайне заинтересованные в увеличении численности рабочих. В соответствии с идеологической доктриной, большую часть руководящей партии, считавшей себя выразительницей интересов трудящихся, должны были составлять именно пролетарские кадры.

В обнародованном циркуляре Дальревкома «О принципах школьного строительства в Дальневосточной области» (19 ноября 1922 г.) подтверждалась готовность региональной администрации провести реформу в соответствии с Положением о Единой трудовой школе РСФСР [12, с. 65]. Одним из направлений реформы было создание единой школы в составе I и II ступеней. Соответствующие преобразования произошли в 1923 г.

² Исключая Приморскую губернию, где ещё продолжались военные действия.

по формуле 4+3+2, предусматривавшей 4-летний курс обучения в школах I ступени и 5-летний в школах II ступени (3 года в первом концентре и 2 года во втором), что соответствовало 7-летнему и 9-летнему уровням образования. В школу I ступени были преобразованы начальные 1-классные училища с 3-летним и 4-летним курсом обучения, 2-классные начальные училища с 5-летним и 6-летним курсом; в школы II ступени — высшие начальные училища [12, с. 66—69]. Бывшие мужские и женские гимназии и прогимназии, реальные и коммерческие училища с 1 января 1923 г. упразднились. Учеников восьмых классов выпускали с аттестатами, остальных учащихся распределяли по двум ступеням единой школы. Ученики шестых и седьмых классов бывших коммерческих училищ получили возможность поступления на первый и второй курсы коммерческого отделения Владивостокского политехникума. По данным председателя Дальревкома Я.Б. Гамарника только в Приморской губернии к 1924 г. уже работали 558 школ I ступени (включая 80 корейских) и 27 школ II ступени [9, с. 27]. Начали работу некоторые школы, открытые до революции для коренных народов на Амуре, Камчатке, Чукотке и Охотском побережье (в с. Уэлен, Дранка, Седанка, Хайрюзово, Мильково, Тигиль и др.) и в с. Никольском на о. Беринга; в некоторых населённых пунктах (с. Чардбах, Чумикан, Булава и др.) школы были открыты впервые [20, с. 321].

В процессе реформы во всех классах школ I ступени вводилось совместное обучение девочек и мальчиков. В школах II ступени совместное обучение продолжалось там, где оно уже имело место, и заново вводилось только в первом классе второго концентра, в остальных же классах первого и второго концентров продолжалось раздельное обучение.

Успех восстановления народного хозяйства Дальнего Востока, которое испытывало острый дефицит квалифицированной рабочей силы, зависел от развития профессионального образования, а сеть низшего профессионального образования в 1923 г. считалась самым слабым звеном в региональном образовательном комплексе [10]. Одними из первых дальневосточных профессиональных учебных заведений низшего уровня стали школа горнопромышленного ученичества с четырёхлетним сроком обучения, открытая в октябре 1923 г. на Сучанском руднике, и профтехшкола, созданная в 1925 г. во Владивостоке на одном из крупнейших предприятий региона — Дальзаводе [18, с. 74]. В качестве основных типов школьной профессиональной подготовки были определены школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), профессионально-технические школы и учебно-производственные мастерские.

В 1922/1923 учебном году на Дальнем Востоке числилось 9 четырёхгодичных педагогических курсов, преобразованных из бывших учительских семинарий: 3 — в Забайкальской области, 2 — в Амурской и 4 — в Приморском крае. Они были преобразованы в 3 педагогических техникума с пятилетним сроком обучения и 2 педагогических курса с четырёхлетним сроком [18, с. 92]. Во Владивостоке на базе Владивостокского по-

литехникума и коммерческого училища был создан промышленно-экономический техникум с тремя отделениями: экономическим, горным и химическим. Летом 1923 г. намечалась реорганизация ещё 7 учебных заведений [18, с. 104—105]. Так было положено начало формированию советской системы среднего профессионального образования.

В этом же году вузы региона объединили в единый Государственный Дальневосточный Университет, который создавался по решению Дальревкома от 9 сентября 1923 г. на базе открытых в период ДВР вузов: Педагогического института им. К.Д. Ушинского, Политехнического института Владивостока, Читинского института народного образования и ГДУ. При Читинском ИНО функционировал (с 27 ноября 1922 г.) первый на Дальнем Востоке рабфак с 331 учащимися. В начале 1923 г. рабфаки открыли в Благовещенске и Владивостоке с числом слушателей 215 и 307 чел. соответственно [19, с. 133]. Объединённый университет имел 4 факультета: агрономический, восточный, педагогический и технический. Ректором ГДУ стал уже имевший опыт работы с коммунистами в период ДВР профессор В.И. Огородников. 20 сентября 1923 г. преподаватели и студенты Читинского университета, а также рабфаковцы прибыли во Владивосток [12, с. 112, 12].

В результате проведённой реорганизации затраты на содержание школ I ступени снизились на 16%, школ II ступени — на 35% [12, с. 104]. Тем не менее оптимизация расходов на содержание школьной сети не привела к полному погашению задолженности по заработной плате учителям. Летом 1924 г. Амурский Губоно констатировал, что не в состоянии расплатиться с долгами. Учительство Амурской губернии оказалось на грани голодных бунтов, начались забастовки [19, с. 139]. В Приморье задолженность по заработной плате учителям в 1924 г. ликвидировали, но были факты задержки выплат по текущей заработной плате [2, с. 42]. На Камчатке в 1923/1924 учеб. году смета губернского отдела народного образования была секвестрирована, а финансирование учебных заведений началось только с 29 июня 1924 г. [12, с. 113].

Сельские общеобразовательные школы по-прежнему находились на содержании местных бюджетов, несмотря на их маломощность. В Забайкальской губернии, к примеру, сельские администрации обеспечивали из своих средств 438 школ [11, с. 25]. Поиск ресурсов, необходимых для нормальной жизнедеятельности учебных заведений, способствовал появлению таких неизвестных в дореволюционный период инициатив как «коллективные» или «ленинские запашки» в пользу школ, которые получили распространение в первой половине 1920-х гг. Из средств от реализации урожая с этих участков платили зарплату учителям, покупали учебники, ремонтировали и отапливали помещения школ, обеспечивали питанием учеников и др. Поощрялись и пропагандировались добровольные пожертвования (деньгами, продуктами, частью урожая, дровами и т.п.) в пользу учебных заведений. На школу в стойбище Чардбах,

открытую в ноябре 1923 г., старый нивх Санги пожертвовал 10 руб. золотом, другой старожил внёс 15 руб. золотом, этому примеру последовали и другие жители стойбища [20, с. 321—322].

Внебюджетные источники являлись существенным подспорьем для школ, бюджеты которых *оставались дефицитными* на протяжении всего рассматриваемого периода не только в сельской местности, но и в городах. В целом, первый год советской реформы дальневосточной школы показал, что борьба с материальными трудностями является задачей, требующей быстрого решения. Региональные власти пусть медленно, но неуклонно, наращивали бюджет территории. Согласно данным, озвученным председателем Дальревкома Я.Б. Гамарником на Первом краевом съезде советов Дальнего Востока, совокупный бюджет региона в 1923—1924 г. составил 12,4% от 1913 г., в 1924—1925 г. поднялся до 15%, а в 1926 г. — до 20% [25, с. 149]. Увеличение числа учебных заведений происходило одновременно с восстановлением промышленного потенциала Дальнего Востока.

На юге Дальнего Востока число школ I ступени выросло с 1547 в 1923 г. до 1628 в 1925 г., школ повышенного типа³ с 56 до 68 соответственно [1, с. 56]. Число национальных начальных школ ДВО в 1924—1925 гг. достигло 101 (89 корейских, 4 китайских, 1 польская и 7 татарских) [2, с. 41; 23, с. 307—308].

Число начальных учебных заведений для коренных малочисленных народов Дальнего Востока, по данным, озвученным на Туземном съезде (июнь 1925 г.) в Хабаровске, не достигло дореволюционного уровня. На Нижнем Амуре, к примеру, в 1925 г. таких школ было 9, в то время как в 1912 г. — 43 [9, с. 100]. Согласно сформулированной в региональной историографии точке зрения, такая ситуация сложилась в силу того, что местные советские администрации не располагали достоверной информацией о численности, этно-культурных особенностях и хозяйственном укладе коренных народов Дальнего Востока. Не имея достаточного опыта общения с аборигенами, руководители новой формации не могли найти приемлемых форм общения с ними и достигнуть взаимопонимания в школьном вопросе. На северо-востоке ДВО школы поддерживала только часть осёдлого коренного населения, а кочевники, составлявшие большинство, игнорировали школу [20, с. 324].

Динамика профессиональной школы в период с 1922/1923 по 1925/1926 учеб. гг. показывает рост с 22 до 107 учебных заведений соответственно, включая 1 вуз, 18 техникумов и 88 низших профессиональных школ [1, с. 56]. В составе ГДУ функционировали 4 факультета: педагогический с физико-химическим и естественным отделениями, технический с горным и механическим отделениями, агрономический с сельскохозяйственным и лесным отделениями и восточный факультет с общест-

³ Школ II ступени, 7-леток и 9-леток, преобразованных из первого и второго центров школ II ступени.

венно—экономическим и техническим отделениями [8, с. 68]. В зависимости от того, для какой отрасли народного хозяйства осуществлялась подготовка квалифицированных рабочих, сложились следующие типы школ ФЗУ: школа горнопромышленного ученичества на угольных шахтах и горнодобывающих рудниках; школа фабрично-заводского ученичества для металлообрабатывающей, судостроительной, рыбной и местной промышленности; школа транспортного ученичества для железнодорожного и водного транспорта; школы строительного, сельскохозяйственно-го и конторско-торгового ученичества.

Сравнение показателей на 1925 г. с данными о численности учебных заведений, функционировавших в регионе десятилетием раньше, свидетельствует о завершении восстановления регионального образовательного комплекса и дальнейшей его поступательной динамике [1, с. 56; 24, с. 30, 118, 132—143].

Таблица 1

Изменение численных данных по типам учебных заведений

Тип учебного заведения	Количество в 1915 г.	Количество в 1925 г.
Низшие общеобразовательные	1557	1628
Средние общеобразовательные	27	68
Низшие профессиональные	8	36
Средние профессиональные	31	15
Высшие профессиональные	1	1

В то же время динамика школьного строительства показывает разрыв, имевшийся между школами I ступени и школами повышенного типа, которых явно не хватало для выпускников начальной школы, желавших получить среднее образование.

Доступ к образованию снижала также бедность основной массы учащихся. Государственная помощь в этот период носила избирательный характер даже для выходцев из беднейших слоёв. В 1924 г. Дальбюро ЦК ВКП(б) и Дальревком приняли решение обеспечить, хотя бы частично, возможность бесплатного обучения детей беднейшего населения путём выдачи губисполкомам субвенции в размере 5% общего содержания школьных работников школы I ступени при условии использования этой субвенцией в первую очередь для школ промышленных предприятий, и в частности, горной промышленности. Предоставить содержание для пролетарского студенчества за счёт выделения 300 стипендий рабфаку, 50 университету и 75 вузам Сибири, в которых учились дальневосточники [12, с. 95]. Но даже к концу 1920-х гг. в университете стипендии получала только четверть нуждавшихся студентов. В.В. Вишнякова-Акимова, учившаяся в 1924—1925 гг. на восточном факультете ГДУ, вспоминала, как все однокурсники завидовали студентке восточного факультета,

поступившей по рекомендации месткома курьером в представительство Наркоминдела во Владивостоке [5, с. 13].

Для стимулирования притока в профессиональные учебные заведения Дальнего Востока рабоче-крестьянской молодёжи Дальбюро ВПК(б) обнародовало в апреле 1923 г. циркулярное письмо «О классовом наборе в ВУЗы», на основании которого при Агитпропе Дальбюро и губернских комитетах партии формировались классовые комиссии, распределявшие абитуриентов, которые вначале учились на рабфаках. В дальнейшем рабфаковцы должны были изменить классовый состав учащихся. Для сравнения: по данным Дальбюро ВПК(б) в конце 1922 г. в высших учебных заведениях Дальнего Востока учились 2898 студентов из «белогвардейцев» и «контрреволюционеров всех мастей», общее же число слушателей на трёх рабфаках в 1923 г. достигло 853 чел. [19, с. 131, 139]. В 1925 г. из 589 чел., подавших заявления в университет, было зачислено 350 чел. Из них 279 прошли через систему классовых комиссий. Большую часть поступивших составляли партийно-советские работники — 51,3%, рабочая молодёжь — 22,8%, крестьяне — 19,4%, дети интеллигенции — 0,5% [19, с. 133—134]. Похожая ситуация складывалась в средних профессиональных учебных заведениях.

Коренные изменения произошли в организационной жизни учебных заведений и непосредственно в учебном процессе. В духе концепции свободного воспитания поддерживалось развитие внутреннего школьного самоуправления и общественного контроля за школой. В университете и техникумах руководство деятельностью факультетов осуществляли президиумы факультетов из преподавателей и представителей «красного студенчества», при отделениях факультетов — общественные предметные комиссии. В органах самоуправления соблюдался пропорциональный состав студентов и преподавателей, студенты избирались секретарями комиссий. Самоуправление укрепляло «полную согласованность в работе учащихся и педагогов» [23, с. 61], прививало ученикам умение организовывать клубную, кружковую и внеклассную работу.

С целью развить личную инициативу и самостоятельность учащихся, выработать у них умение разумно организовать работу совместно с другими людьми в 1923—1926 гг. в учебных заведениях Дальнего Востока внедрялись авангардные методики занятий по системе Е. Паркхерст (Дальтон-план) и плану и методу проектов Дж. Дьюи. При использовании Дальтон-плана в школе основной учебной единицей становился отдельно взятый ученик, получавший знания в виде отдельных проектов, которые выполнял преимущественно самостоятельно, консультируясь с преподавателем. Традиционные формы учебной работы — уроки и классы — могли вообще не использоваться.

В 1924 г. в ГДУ пришло письмо ГУСа о новых формах учебной работы. С него началось внедрение бригадно-лабораторного метода, при котором основной учебной единицей стала бригада студентов, совместно

выполнявшая задания преподавателя, отменялись зачёты, экзамен и чтение лекций как основной способ передачи знаний. Материал учебного плана усваивался студентами путём самостоятельного изучения пособий с составлением конспектов. Преподаватели консультировали и давали задания с указанием материала для самостоятельной работы студентов. В конце установленного срока проводилась проверка и обсуждение достижений студентов. Первый опыт работы по этим системам вызвал положительные отзывы студентов [3, с. 14].

Пересмотр учебных планов и учебных программ, содержания советских учебников были связаны с решением задачи формирования «нового человека», т.е. человека строящего новое, социалистическое общество. В учебниках использовались простые и выразительные картинки, а также тексты, отражающие новую социально-политическую реальность.

В программах, по которым с 1923 г. начали заниматься в дальневосточных школах, отсутствовал традиционный предметный принцип группировки материала. Материал группировался в трёх комплексах. К примеру, программный материал комплекса «Природа и человек» для школ I ступени включал сведения о временах года, воздухе, почве, воде, культурных растениях и животных, об уходе за ними, о природе местного края, географии России и других стран. В этом же комплексе содержались сведения о строении человеческого тела, элементарные знания по химии и физике. Второй комплекс «Труд» рассматривал трудовую деятельность людей и давал знания о хозяйстве своего края, РСФСР и других стран. Третий комплекс «Общество» содержал знания о семье и школе, общественных учреждениях города и деревни, губернских общественных учреждениях, государственном строе России и других стран, истории родного края, страны и мира [1, с. 173]. Для школ II ступени и профессиональных учебных заведений комплексы предлагались в более усложнённом, информативно расширенном и политизированном варианте.

С февраля 1923 г. с целью пропаганды политических знаний в учебных заведениях Дальнего Востока вводился небольшой курс политминимума [11, с. 116]. Новые учебные программы по обществоведению состояли из разделов по истории Запада, русской истории, марксистской политической экономики. Также курс включал в себя раздел «Современность», в котором изучались учение о государстве диктатуры пролетариата и основы экономической политики большевиков.

Политехническое обучение в педагогической практике 1920-х гг. проявлялось в том, что материалы по физике, химии, математике, обществоведению, родному языку «увязывались с жизнью», т.е. подбирались так, чтобы иллюстрировать практическую деятельность людей. К примеру, в программах по математике предлагаемые задачи носили «характер исследования отдельных областей жизни научно-математическим методом» [26, л. 20], чем они и отличались от прежних задач, направленных исключительно на развитие формального мышления. При составлении

первых учебных планов для заведений низшего профессионально-технического образования использовали опыт учебного планирования дореволюционных низших технических и ремесленных училищ. Низшие профессиональные школы строились на основе школы I ступени со сроками обучения 3—4 года. Школьные учебники делились на сельскохозяйственный и индустриальный варианты и включали комплексный набор знаний соответственно для сельских и городских школ.

Во второй половине 1920-х гг. в реформе стали просматриваться новые тенденции, обусловленные рядом событий в стране и регионе. В январе 1926 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял решение реорганизовать ДВО в ДВК с центром в г. Хабаровске и перейти от губернского и уездного деления на окружную и районную систему. Дальнего претерпело реорганизацию в Далькрайоне, а губернские отделы народного образования в округе. Руководство системой образования на Дальнем Востоке возглавил рекомендованный партийными органами А.А. Лобов.

В 1925 г. в расходной части бюджета общая сумма затрат на народное образование в трёх южных губерниях Дальнего Востока (Амурской, Приморской и Забайкальской) составляла 16,2%, в 1926—1927 г. возросла до 22,1%, что положительным образом сказалось на динамике школьного строительства, показавшей устойчивый рост сети общеобразовательных школ. В 1928 г. на юге Дальнего Востока было 1783 школы I ступени и 160 школ повышенного типа [1, с. 56], т.е. увеличение составило 10% и 135% от уровня 1925 г. В 1926 г. в ДВК было 189 школ для нацменьшинств и 24 школы для детей аборигенов [21, с. 308]. В рамках программы по открытию нового типа школ для обучения детей из семей коренных малочисленных народов, ведущих кочевой образ жизни в 1926—1927 гг. были построены 15 школ-интернатов с 4-летним курсом обучения⁴ на Камчатке, в Николаевском и Сретенском округах и на Нижнем Амуре и 27 школ на Сахалине [20, с. 329, 334—335; 7, с. 16]. В 1928 г. число школ на Сахалине возросло до 32 и включало сельские и городские школы I и II ступени, 7-летку, корейскую и «туземную» школы [20, с. 329].

С 1926 г. началась «отрасливание» профессиональной школы, предполагавшее замену разнородных специальностей, сосредоточенных в одном учебном заведении, на специализацию по основному его профилю. Предполагалось, что в преддверии намеченной XIV съездом ВКП(б) форсированной индустриализации СССР это позволило бы аккумулировать средства и сосредоточить усилия на подготовке кадров для наиболее актуальных отраслей народного хозяйства Дальнего Востока. Учреждения специального образования изымались из ведения Наркомпроса и передавались на баланс соответствующих им по профилю хозяйственных наркоматов. Расчёт строился на том, что хозяйственники, представляющие

⁴ Собственно, идея устройства школ интернатного типа для детей коренных малочисленных народов была выдвинута ещё в середине XVIII в. главой Камчатской духовной миссии И. Хотунцевским, но реализована только в советское время.

реальную потребность в специалистах для своей отрасли, смогут оптимизировать работу профессиональной школы и поддержат её материально. По решению Дальневосточного краевого экономического совещания, с 23 февраля 1926 г. реорганизации подверглись 14 техникумов из имевшихся 18 [12, с. 142—145]. Изменение количества средних и низших профессиональных учебных заведений (см. табл. 2) показывает уменьшение в 1927 г., стагнацию низшей школы и некоторый рост средней профессиональной школы в 1928 г.⁵, что свидетельствует о провале кампании по «отраслированию».

Таблица 2

Динамика численных данных по группам профессиональных учебных заведений

Профессиональные школы	1926 г.	1927 г.	1928 г.
низшие	88	36	35
средние	18	12	16

В 1928 г. техникумы вернули в ведение Главпрофобра при Наркомпросе, они получили государственное бюджетное ассигнование, сметы и штатное расписание [7, с. 3]. Циркуляр Дальоно от 7 января 1928 г. утвердил нормы набора абитуриентов на первый курс для всех техникумов в 40 чел.⁶ на каждое отделение [7, с. 5, 7]. Помимо техникумов, согласно данным из приложенного к циркуляру списка учреждений, в 1928 г. госбюджетное финансирование получали по линии Главпрофобра — ГДУ, Владивостокский рабфак при ГДУ и Читинский вечерний рабфак, по линии Главсоцвоса — 13 ШКМ, 12 школ-интернатов для коренных малочисленных народов Севера и 2 опытно-показательных школы I ступени в Хабаровске и Благовещенске [7, с. 12, 17].

Низшие профессиональные школы в циркулярном списке Далькрай-оно не значились. В 1927/1928 учеб. году хозяйственные органы, занимавшиеся подготовкой квалифицированной рабочей силы, выполнили план развёртывания низшего профессионального образования только на 60% [17, с. 5]. Материально-финансовое обеспечение низших профессиональных школ было явно недостаточным, что вызвало беспокойство и недовольство региональной партийной организации и стало предметом специального обсуждения на Пятом пленуме Далькрайкома ВКП(б) в мае 1928 г. Официальная точка зрения объяснила сложившуюся ситуацию введением семилетнего образования в городах и городских посёлках края: если в 1923 г. в школы ФЗУ поступали не имевшие начального образования подростки, то в 1926 г. таких поступающих было только

⁵ Без Сахалина и северо-востока ДВК.

⁶ Исключая счётно-финансовое отделение при Владивостокском промышленно-экономическом техникуме (35 чел.) и лесное отделение при Перском лесном техникуме, куда разрешили набирать по 30 чел.

16% [26, л. 4]. Появившаяся во второй половине 1920-х гг. реальная альтернатива в виде общеобразовательных школ повышенного типа вполне могла быть фактором, снижавшим популярность низшей профессиональной школы у подрастающей молодёжи, но вряд ли она была единственной причиной. Ответственность за невыполнение плановых показателей на 40% и фактический провал кампании в первую очередь связаны с хозяйственными структурами, в чьём ведении были тогда эти учебные заведения.

В 1926 г. Государственный Учёный Совет осуществил пересмотр учебных программ для общеобразовательных школ I и II ступени. Концепция изучения трудовой деятельности людей в целях улучшения текущей жизни, положенная в основу программ ГУСа 1923 г., равно как и комплексное построение программ остались неизменными. Но новое поколение программ отличалось тем, что в них закреплялся обязательный минимум систематических знаний и навыков по отдельным дисциплинам и уклоном «в местный краеведческий материал» [14, с. 4; 16, с. 4], благодаря чему удалось преодолеть абстрактный схематизм, характерный для первого поколения программ. Общее число и порядок комплексных тем, объём программного материала в части знаний и навыков учащихся, темп работы предполагаемый программами в школах являлись обязательными для всех районов Дальневосточного края. Допускались изменения в сторону увеличения или уменьшения числа подтем в комплексах, их перестановка в пределах каждого комплекса, расширение или сокращение содержания подтем, сокращения или увеличения времени на их изучение с целью адаптации материала к условиям конкретного округа, района и даже отдельной школы. В программах для школ II ступени и 7-леток допускалось варьирование количества недельных часов по каждому предмету. Так, увеличено число часов на математику, естествознание, обществоведение, родной язык и литературу, сокращены часы на физику и химию, что объяснялось слабой подготовкой выпускников школ I ступени по математике и родному языку, необходимостью более углублённой подготовки выпускников 7-леток по обществоведению и естествознанию, а также включением в план общественно необходимой работы [16, с. 10]. В связи с административно-территориальным переустройством Дальнего Востока в тему «Дальневосточный край» были добавлены вопрос о районировании СССР (на основе определения естественных богатств) и вопрос управления страной. В тему «Союз Советских Социалистических Республик» в связи с вопросами внутренней и внешней политики — вопрос о мировом хозяйстве (распределение естественных богатств по земному шару) и вопросы внешней политики империалистических государств [16, с. 11].

Концентрация работы школ на углублённом изучении родного края определила новое название тем комплексов для школ I ступени — «Город и деревня», «Дальневосточный край», «Союз Советских Социалистичес-

ких Республик». В сельских школах I ступени при изучении темы «Город и деревня» в первые два года обучения программный материал подбирался по принципу сезонности и отражал трудовую деятельность крестьянской семьи в течение года: сезонные работы в поле, огороде, фруктовом саду; сезонные изменения в природе, в жизни деревни и её связях с городом. На третьем году обучения, при изучении темы «Дальневосточный край», осмысление комплекса жизненных явлений поднималось на новый уровень: от этапа наблюдения над жизнью отдельной крестьянской семьи и жителей отдельно взятой деревни переходили к изучению деревни как общественной единицы, связанной с жизнью соседних деревень, всей волости, города и края. Программа включала три комплексных темы: «Наша деревня и наш район» (с подтемами «население, его общественно-политическая и культурная жизнь», «крестьянское хозяйство», «управление»); «Деревня и город» и «Наш край» (с подтемами «общественно-политическая жизнь края», «лесная и деревообделочная промышленность и пушной промысел», «золотопромышленность», «металлопромышленность», «каменноугольная промышленность», «рыбодобывающая промышленность», «торговля», «пути сообщения и средства связи», «сельское хозяйство») [14, с. 238—239].

Изучаемые жизненные явления критически осмысливались с позиции научного знания. Например, вопрос «животноводство (масштаб района)» в подтеме «крестьянское хозяйство» включал следующие дидактические единицы: 1. общее количество лошадей, в т.ч. рабочих и молодняк, колебания их численности и причины; 2. количество безлошадных крестьян, с одной, двумя и более лошадьми; 3. трудности при уходе за лошадью; 4. количество крупного и мелкого рогатого скота, его продуктивность (количество мяса, шерсти и кожи), потребность района в продуктах животноводства, излишки и места их сбыта; 5. уход за рогатым скотом (содержание, кормление, выращивание молодняка и пр.); 6. распространение болезни скота, способы их предупреждения и лечения (понятие о ветеринарии и эпизоотии), убытки от падежа скота; 7. лучшие и худшие породы скота; 8. мероприятия по улучшению животноводства (селекция, нормы кормления, уход за скотными дворами и пр.); 9. место конкретного района в отношении животноводства среди других районов округа [14, с. 124]. В процессе проработки этого вопроса ученики определяли недостатки в местном животноводстве, намечали мероприятия по его улучшению путём составления инструкций по выращиванию телят, поросят и т.д. Составляли план питания для коровы или лошади и применяли его в одном из крестьянских хозяйств. Учились подсчитывать убытки, понесённые деревней вследствие падежа скота и др.

Безусловно, для того чтобы квалифицированно преподавать по таким программам школам требовались специалисты с широким кругозором, обладавшие не только знаниями по математике, физике, литературе, но и ветеринарии, агрономии и т.п. В связи с чем, выпускников

педтехникумов ориентировали на написание дипломных проектов, представляющих разработки планов занятий по комплексным программам ГУСа [13, с. 58].

Инновацией в региональной системе образования стало введение с осени 1928 г. в учебных заведениях края военного обучения, что представляется нам исключительно политическим решением. Курс военных знаний стали преподавать на 3—4 курсах во всех 16 техникумах ДВК, а также учащимся 8—9 классов в 20 школах II ступени и в 11 школах 9-летках [6, с. 3—5]. Общий курс военных дисциплин в техникумах составлял 64 часа в год и предусматривал довольно серьёзную подготовку по таким дисциплинам как стрелковое дело (12—16 часов), тактика пехоты (12 часов) и военная администрация с уставами (10 часов) [6, с. 14—15]. Цель военного обучения заключалась в приобретении выпускниками школ и техникумов навыков одиночного бойца и военных знаний, соответствующих уровню кандидата на должность командира РККА.

В 1927/1928 учеб. году в дальневосточных школах начался переход к смешанной системе учебных занятий. В университете и техникумах ввели традиционные лекционные часы. К примеру, в общем объёме учебного плана Никольск-Уссурийского педагогического техникума 67 часов были заняты лабораторными и общеклассными уроками, 66 часов распределялись на Дальгон-план и 28 часов — «на усмотрение преподавателя на тот или иной курс» [13, с. 64]. В общеобразовательных школах возвращались к классно-поурочной системе преподавания, чему немало способствовал переход к программам второго поколения, ориентированным на систематизированное усвоение знаний по отдельным дисциплинам. Таким образом, с конца 1920-х гг. в советской школе началось возвращение к дореволюционной традиции.

В 1928 г. «товарищеское сотрудничество» учеников и учащихся подверглось серьёзному испытанию, спровоцированному выступлением И.В. Сталина на апрельском пленуме ЦК ВКП(б). Его тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения вперёд по пути социалистического строительства стимулировал репрессии против старой профессуры университета. Появились первые «дела вредителей» в ГДУ — профессоров В.И. Огородникова, П.С. Венедиктова, Д.Н. Шестакова и др., хотя в рассматриваемый период враждебное отношение к кадрам старой интеллигенции разделяли не все региональные руководители [17, с. 20—21].

Тогда же в крае активизировали работу по пролетаризации учебных заведений. В советско-партийных кругах бытовало мнение, что для работы в социалистической промышленности больше подходили дети из рабочих и бедных крестьянских семей, которые, в отличие от детей интеллигенции, став в будущем «красными специалистами», не теряют своего пролетарского облика. В 1928 г. социальный состав учащихся в школах региона был представлен 18% детей из рабочих семей, 58%

из крестьянских, 15,4% из семей советских служащих и 1% — торговцев и домовладельцев [25, с. 35—36, 44]. В связи с чем руководитель Дальнего А.А. Лобов констатировал, что советские школы ещё не стали «подлинно пролетарскими» и от имени партии и правительства дал работникам просвещения установку на «усиление классового состава» в общеобразовательных школах.

В 1928 г. выдвигается поддержанная И.В. Сталиным концепция «узкого» специалиста, положившая начало новому этапу в реформе системы образования в СССР. Идея «узкого» специалиста заключалась в максимальной утилизации интеллектуального и физического потенциала человека в интересах проводившихся в стране грандиозных социально-экономических преобразований. Новая реформа школы стала ядром преобразований в культуре в 30-е годы, которые И.В. Сталин определил как «культурная революция».

В целом реформирование региональной системы образования соответствовало задачам советской модернизации российского общества. Такие меры, как рост ассигнований на образование в бюджете региона, обеспечивший быстрое расширение сети учебных заведений, и создание единой школы в составе I и II ступеней, означавшее введение в школьную практику принципа непрерывности обучения, способствовали ликвидации сословного неравенства в доступе к образованию, отличавшего дореволюционную школу. Снятие социальных ограничений и политика «пролетаризации» учебных заведений, ориентированных на подготовку специалистов из бывших непривилегированных сословий, начали играть решающую роль в структурировании нового советского общества. «Ленинские запашки» и другие народные инициативы поддержки школ, высокий процент крестьянских детей среди учащихся общеобразовательных учебных заведений отражали переломные настроения крестьян относительно образования и стремлению через его обретение обеспечить своим детям более высокий социальный статус. В то же время некоторые реформаторские мероприятия имели отрицательные последствия для региональной системы образования. «Отрасливание» профессиональной школы, вызвало сокращение динамики и поставило под угрозу срыва планы подготовки специалистов, необходимых для развития народного хозяйства Дальнего Востока. Неудачными были и такие модернизационные образовательные технологии, как внедрение авангардных методик обучения и комплексное структурирование учебных программ. Изначально их внедрение не столько ориентировалось на улучшение качества образования, сколько являлось отражением господствовавших в тот период политических воззрений, направленных на разрыв с дореволюционной школьной традицией. Частичное её возрождение в конце рассматриваемого периода с целью улучшить качество советского образования проводилось в интересах намечавшихся будущих социально-экономических преобразований в стране.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х годов XX в.: очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2001. 194 с.
2. Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. Владивосток: Изд-во «Уссури», 1999. 142 с.
3. Венедиктов П.С. Рабоче-крестьянский путь к высшей школе: о рабфаках и о Рабочем факультете при Дальневосточном государственном университете. Владивосток: Изд. Раб. фак-та при ГДУ, 1929. 30 с.
4. Вестник Маньчжурского педагогического общества. Харбин, 1922. № 1. 30 с.
5. Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. 1925—1927: воспоминания. М.: Наука, 1980. 287 с.
6. Военное обучение в учебных заведениях Дальневосточного края (учебные планы и программы курса военных знаний). Хабаровск: Изд. Далькрайно, 1928. 63 с.
7. Госбюджетные учреждения народного образования Дальневосточного края на 1927—28 год: список, штаты и смета учреждений. Хабаровск: Изд. Далькрайно, 1928. 42 с.
8. Дальневосточный государственный университет: история и современность. 1899—1999. Владивосток: Изд. Дальнев. ун-та, 1999. 673 с.
9. Дубинина Н.И. Дальний Восток Яна Гамарника: документ-историч. повествование. Хабаровск: КГУП «Хабар. краев. тип.», 2011. 432 с.
10. Красное Знамя. 1923. 4 окт. С. 2
11. Кузнецов М.С. Борьба партийных организаций Дальнего Востока за становление советской культуры (1922—1927 гг.). Томск: Наука, 1978. 286 с.
12. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917—1941 гг.): док. и мат. Владивосток: Дальнев. кн. изд-во, 1982. 495 с.
13. Лынша О.Б. От учительской семинарии до института: к истории Уссурийского государственного педагогического института. 1909—1945 гг. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. 231с.
14. Новые программы сельской школы 1-й ступени Дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток: Изд. Далькрайно, 1926. 234 с.
15. Перед именем твоим: педагогическому образованию Дальнего Востока 100 лет. Хабаровск: Дальнев. издат. центр «Приамурские ведомости», 2009. 112 с.
16. Программы единой трудовой школы II ступени (5, 6, 7, 8 и 9 годы обучения). Хабаровск-Владивосток: Изд. Далькрайно, 1926. 162 с.
17. Пятый Пленум Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) 20—23 мая 1928 г.: стеногр. отчёт. Хабаровск, 1928. 224 с.
18. 50 лет Советскому Приморью: Хроника событий: 1917—1967 гг. Владивосток: Дальнев. кн. изд-во, 1968. 366 с.
19. Саначев И.Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке. 1922—1925 гг. Владивосток: Изд-во Дальнев. гос. ун-та, 1993. 180 с.
20. Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России XVIII в.—30-е гг. XX в. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграф. комбинат», 2001. 516 с.
21. Сенюк Н.И. Становление школьной сети первой ступени на Дальнем Востоке в 1920-е годы XX века (1922—1929 гг.) // Четвёртые архивные научные чтения им. В.И. Чернышёвой: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск: КГУП «Хабар. краев. тип.», 2012. С. 306—310.
22. Статистический ежегодник России. 1915 год. Отд. I. Пг., 1916. С. 1—154.
23. Три года советского строительства в Дальневосточном крае. Первому съезду Советов: отчёт Дальревкома за 1922—1925 гг. Хабаровск, 1926. 251 с.
24. Труды первых краевых научно-методических съездов преподавателей школ повышенного образования Дальневосточного края. 20—30 июня 1928 г. Владивосток: Изд. Далькрайно, 1928. Вып. 1.
25. Хабаровск: 1853—1983: очерк истории. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1983. 336 с.
26. РГИА ДВ (Российский гос. исторический арх. Дальнего Востока).